

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ САБИТА МАДАЛИЕВА: «АХМАД ЯССАВИ. 63 ХИКМАТА О ЛЮБВИ» С КОММЕНТАРИЯМИ ВЕЛИКИХ СУФИЕВ

С. Мадалиев

*Член Международной академии «Евразия»,
Узбекистан*

* * *

*Я просил недуг любви,
но от скорби нет леченья,
тот, кто умер от любви,
жизнь отдал без сожаления,
ведь на тех путях любви
умереть — не преступление,—
что угодно, но меня,
мой Господь, влюблённым сделай.*

* * *

Согласно его святости Ахмада Яссави, да смилостивится над ним Аллах, у влюблённого в своего Господа раба нет иного выхода, как умереть для ближайшей жизни, чтобы возродиться затем совершенным человеком, наделённым божественными качествами.

Говорят, Всевышний Аллах Сам определяет тех из Своих рабов, кому предназначено пройти по тернистому пути суфиев, жертвуя ради этого всем, что желанно и доступно в этом мире простым смертным. И потому этот путь называется путём избранных. Ведь тех, кого избирает Аллах, Он, хвала Ему Всевышнему, берёт за руку, приводит в ханак и отдаёт на воспитание суфиям.

* * *

«Знай,— говорит Хамза Фансури, да смилостивится над ним Аллах,— что среди всех благородных степеней нет более возвышенной, чем степень любви, ибо ее нельзя достичь иначе, как по благодати Всевышнего. А влюбленного узнаешь по тому, что он не страшится смерти. Если же страшится, то воистину не влюблен, ибо влюбленный жаждет смерти. Как сказал Посланник Аллаха, да пребудут с ним благословение Аллаха и мир, *«тот, кто умер от любви, воистину удостоился мученического венца»*.

Однако под словом «смерть» не следует понимать самоубийство оружием либо ядом. Умереть — значит всецело предаться Всевышнему посредством отъединенности и уединенности,

которые суть отречение и отлучение. Под первым разумеют отречение от дома и богатства, от дружбы с государями и визирами; под вторым — отлучение себя от общества людей.

Итак, отречение есть отъединенность от своего «я», а отлучение — уединенность с Господом или — иначе — они суть отвержение своего «я» и утверждение Господа. Таково значение слов: «Нет божества, кроме Аллаха, у которого нет сотоварища», ибо под «сотоварищем» Господа, преславен Он и возвышен! — разумеется человеческое «я». Если же человек отъединит свое «я», то уединится, иными словами, когда отъединит «сотоварища», пребудет с Ним в уединении. А достигший уединения стяжает имя влюбленного и опьяненного, ибо влюбленный отрекается от своего «я».

* * *

Автор «Кабус-наме» так описывает свойства суфиев: «Я изложу тебе условия благородства этих людей (суфиев), ибо никому из людей не достанется столько скорби в жизни, которую они [стремятся вести] чисто и богобоязненно. Они считают себя лучше всех людей. Слыхал я, что первый, кто открыл этот путь, был пророк Узейр, мир над ним; он достиг таких пределов в чистоте «времени» своего, что евреи называли его сыном Бога, прах им в уста!

Слыхал я также, что в дни Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, было двенадцать «людей суффе», одевавшихся в рубище. Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, часто с ними уединялся и очень их любил. Потому-то благородство для этих людей труднее, чем для других людей. Благородство у них двух видов: одно свойственно нищим суфиям, другое — влюбленным. Я упомяну и то и другое. Знай, что совершеннейший дервишизм — в том, чтобы ты ничего не имел, ибо отсутствие имущества и учение о единстве и есть самая суть суфизма.

Рассказ. Так слыхал я, что как-то раз шли вместе два суфия. У одного ничего не было, а у дру-

гого было пять динаров. Тот, у которого ничего не было, шел смело, не страшась, и, куда бы ни приходил, чувствовал себя в безопасности, спал в опасных местах и валялся, как сердце его желало. Обладатель пяти динаров от страха не решался спать, но все же сопровождал его.

Как-то раз пришли они к колодцу, место было страшное, на скрещении нескольких дорог. Суфий без имущества поел и сладко заснул, а обладатель пяти динаров не смел заснуть. Он все говорил: «Что мне делать? У меня пять, динаров золотом, место это страшное, ты заснул, а меня сон не берет, т. е. спать не смею, и уйти не смею».

Суфий без имущества сказал: «Дай мне эти пять динаров». Тот отдал их ему, и он швырнул их в колодец и сказал: «Вот ты и избавился от беспокойства! Спи спокойно или сиди, ибо нищий — в медной крепости».

Итак, по согласию всех шайхов, суфизм состоит из трех вещей: отсутствие имущества, вручение себя воле Аллаха и твердая вера. Если ты на все смотришь единым взором, далек от зла и во всех своих делах препоны не имеешь, то у тебя уже и есть сущность тариката. Итак, дервиш всегда должен проявлять смирение перед Богом, никогда не должен ни одному из братьев раскрывать свои мысли, кроме как о другом брате или себе самом. Ревность его должна быть всегда направлена на то, что — почему мой брат не лучше меня, а себялюбие он должен изгонять из головы.

Не должен он иметь личных целей, должен отложить их в сторону, должен смотреть взором отречения и подтверждения, а глазом двойственности ни на что не должен глядеть, от своих взглядов, предположений и несогласий должен отказаться. Ибо взор без предположений и есть подтверждение. Никто ему не будет противиться, ибо суть истины — отрицание двойственности, а суть искренности — отрицание противоречия.

Знай, о сын, что, если кто-нибудь с полной искренностью ступит на воду, вода под его ногой окрепнет. И если будут говорить об этом, с точки зрения разума это приемлемо, хотя и невозможно. Раз ты узнал истинную искренность, не отрицай и принимай на веру, ибо искренность — это такое явление, которое ни разумом, ни силой нельзя вложить себе в сердце иначе, как по дару господа, Всевышнего и Преславного, если она будет вложена в тело.

Дервиш — тот, кто смотрит взором искренности, страх не делает привычкой, и снаружи и внутри одинаков. Сердце его не бывает пусто от размышления о единстве, но в помыслах своих он

предпочитает некоторую медлительность, дабы не сгореть в огне размышлений. Ибо люди тариката признали размышление огнем, водой для которого служит утешение. Потому-то веселье, и танец, и пение они ввели как средство утешения, а если дервиш не будет склоняться к пению и чтению нараспев, он всегда будет гореть в огне размышления. Тот же, кто не помышляет о единстве, тому слушать музыку и пение нельзя, ибо они еще умножают его омрачение.

Если у дервиша внутреннего духовного воспитания нет, то нужно иметь, хотя бы внешнее воспитание, чтобы из этих двух он был украшен хотя бы одной внешней формой.

Дервиш должен быть набожным, красноречивым, безобидным, скрывающим порочность, выявляющим смирение, носящим чистое платье. Он должен быть снабженным всеми принадлежностями дервишей для путешествия и пребывания на месте, как посох, чаша для подаяния, кувшин для омовения, молитвенный коврик, веер, гребень, иголки, ножик для подрезания ногтей. Он не должен нуждаться в шитье и стирке, а, напротив, оказывать эти две услуги братьям.

Он должен любить странствия, но один в странствие не должен ходить. В ханаку он не должен входить один, ибо от одиночества возникают грехи, а когда вступит в ханаку, не должен препятствовать благу, т. е. никого не должен удерживать от приближения [к цели]. Он должен сначала разувать левую ногу и обувать правую ногу.

Садиться он должен там, где положат его молитвенный коврик, а, садясь, должен испросить разрешения и по разрешении выполнить два рака'та (намаза). Когда он входит или выходит, произнесет ли он приветствие или нет — безразлично, только утренний привет пусть не опускает.

Пусть водится с добрыми людьми и остерегается запретных деяний. Если не умеет он добиваться откровений, то пусть заучит слова откровений, дабы стать более любимым, чем дольше он пробудет в ханаке. Пусть насильно не добивается общения с кем-либо, пусть уважает старцев, ибо уважение к ним — обязательное предписание, а общение — необязательно.

Пусть все, что делает, делает с согласия и по приказу всего общества. Если общество его попрекает, то, хотя бы он был невиновен, пусть не противоречит обществу, пусть просит прощения и несет кару.

К людям пусть крепко не придирается, дабы к нему самому так же крепко не придрались.

Пусть редко отлучается со своего молитвенного коврика, лишний раз на базар пусть не ходит.

Если он захочет предпринять какое-нибудь дело, по какой бы то ни было надобности, или захочет осуществить какое-нибудь свое дело, пусть делает это с разрешения всего общества.

Если наденет халат или скинет его, пусть попросит разрешения у общества или у старца общества. На коврике пусть не сидит, скрестив ноги или прислонившись к чему-либо. Тайком от людей пусть хырки не разрывает и тайно от людей пусть ничего не ест, даже если бы это была одна миндалина, ибо это считают низостью.

Пусть не называет вещей по их внешним признакам, а только так, как все общество их называет. Пусть среди общества много не говорит. Если наденут хырку, пусть и он делает то же, если снимут, — точно так же.

Пусть пользуется всяким случаем омыть руки, пусть не кладет ноги на чужой коврик или чью-нибудь хырку. Посреди общества торопливо пусть не ходит и перед обществом взад и вперед не проходит, на чужое место не садится и не бывает обидчивым...

Дервиш в молодости должен считать труд сокровищем, а в старости избирать медлительность. Во время принятия пищи он не должен отсутствовать от стола, дабы люди его не ждали, раньше всех руку к еде не протягивать и не должен кончать еду первым, а только в согласии со всеми. Он не должен желать большего, чем то, что ему досталось, никому без разрешения своей доли не уступать.

Если он не может есть по болезни, он должен извиниться прежде, чем накроют скатерть. За едой он не должен говорить. Если он постится и накроют к еде, он не должен говорить о своем посте и может нарушать его. Омовение он не должен совершать без разбору, не должен становиться на молитвенный коврик, не должен совершать омовение по разным обрядам...

Совершеннейший из людей — тот, у кого полнота благородства, а полнота благородства — в том, что у него полнота знания, а это только у пророков. Пророки полностью духовны, ибо у людей нет степени выше пророческой степени. И, следовательно, людьми, которым от фигуры человечности достались тело, и жизнь, и чувство, и свойство, могут быть только пророки. И когда, поистине, кому-либо досталась полная доля от фигуры человечности, то описать его можно только, как «чистого», и выше его только ему подобный, и познание его — через общение, речью и опытом.

Ибо тот, у кого чистота, един в себе. Вода его чиста, цели его — без личных помыслов и искаательства, свободен он от страха, чист от себялюбия и удален от разрыва. Его бытие в небытии, от небытия через небытие он вечен, в небытии при бытии существует. В чистоте он чист без определения. Он видит себя вне себя, а то, что он вне себя, без себя не видит. Он взирает на сущность оком лишнего сущности. Потому если степень этих людей велика и они достойны уважения, то это приемлемо.

Итак, о сын, старайся, каким бы ты ни был, быть впереди и сблизиться с благородством, чтобы быть избранным мира. К какому бы разряду ты ни относился, если хочешь вступить на путь благородства, не будь неосторожен и всегда три вещи держи закрытыми: глаз, и руку, и язык от того, что не следует видеть, и не следует делать, и не следует говорить.

Три же вещи держи развязанными для врага и для друга: дверь дома, углы скатерти и завязки кошеля.

Насколько только можешь, не лги, ибо основа неблагородства — говорить ложь...

Пока ты жив, не мсти за прошлое и не задумывай предательства, ибо это не входит в правила благородства...

Если хочешь никогда не знать докуки, всегда будь нетребователен и не будь завистлив, тогда сердце твое всегда будет весело, ибо основа огорчений — зависть и в этом поражает людей доброе и злое действие небосвода.

Учитель мой говорил: человек должен быть предусмотрителен, но перед действием небосвода должен склонять шею и открывать рот, дабы, если слабость постигнет его от неба, поднять ее на шею, а если достанется вкусный кусок, положить в рот. Как говорит Господь, Великий и Преславный: бери то, что я дал тебе, и будь из числа благодарных.

Действие небосвода только этих двух видов и бывает. Если ты ступишь на этот путь, твое свободное тело никогда не станет рабом.

Не давай алчности места в сердце своем. Как тебе случится так, будь это добро или зло, тем и довольствуйся. Знай, что все разряды людей, сколько бы их ни было, — рабы господина Всевышнего и Преславного, все они — сыны Адама, мир над ним, один не меньше другого. Когда человек выбросит алчность из сердца и возьмет себе правилом нетребовательность, он не нуждается более во всем мире.

Если ты отгонишь алчность, о сын, все стало легко. Стоянки твои от нетребовательности будут процветающими.

Итак, почтеннейший человек в мире — тот, кто ни в ком не нуждается, а наиболее жалкий и низкий — тот, кто нуждается в людях и не стыдится этого и ради золота и серебра служит себе подобному...

Если ты найдешь обычаи и свойства лучше этого, будь таким, как тебе лучше. Если же нет, то вникай этим моим советам и увещаниям ухом сердца и повинуйся им. Если не послушаешь и не примешь, нет на тебя насилия, тот, кого Бог сотворил счастливым, прочтет и поймет, ибо все это — признаки, счастливых в обоих мирах.

Господь, да святится и возвысится Он, да помилует меня и тебя, и пусть моя благосклонность подействует на тебя, во имя Мухаммада избранника, да благословит его Аллах и да приветствует, и семьи и ради его, чистого, и да благословит его Аллах благословением великим, и слава Аллаху — Господу миров».

* * *

*Печаль любви только влюблённый знает,
тот, кто не любит, камни в них кидает,
их головы он кровью обагрят,—
Аллаха славит только благодарный.*

* * *

Рассказывают, что когда его святость Абу Йазид аль-Бистами, да будет свята его могила, начинал говорить о мистических, божественных истинах перед людьми, то современники не понимали его, бросали в него кости, семь раз изгоняли его из родных мест.

И каждый раз, когда они изгоняли его из Бистама, их дела расстраивались, их постигали напасти и бедствия. И им приходилось смиряться перед ним и всем вместе признавать его величие.

* * *

Известно, что при жизни его святость Мансур Халладж, да будет доволен им Аллах, подвергался гонениям и нападкам со стороны официально-духовенства и фанатиков, а его учение вызывало большие споры среди населения. Характеризуя своё учение, он говорил: «Если из того, что находится в моем сердце, упала бы маленькая частица на горы, они все расплавились бы».

Говорят, что во время паломничества в Мекку, когда он остановился на горе Арафат, молился так: «О Боже! Сделай меня более беспомощным и слабым! О Боже! Опозорь меня, чтобы люди проклинали меня! О Боже! Пусть надоем я людям, чтобы каждое мое слово благодарности, которое выходит из моих уст, принадлежало только Тебе, и не считал бы я себя в долгу перед кем-либо, кроме тебя!»

* * *

Рассказывают, что Шибли, да смилостивится над ним Аллах, изучал религиозные трактаты и писания в течение тридцати лет, и в нем проснулось неутолимое желание найти Бога. В первые годы за свободомыслие его преследовали фанатики. Многие из его утверждений были похожи на те, что произносил мученик Мансур аль-Халладж, да будет свята его могила.

Однажды халиф пригласил его вместе с другими уважаемыми людьми к себе во дворец и, когда они собрались уходить, подарил каждому по дорожному халату. По пути домой один из эмиров, сопровождавших Шибли, чихнул и высморкался в новый наряд.

Кто-то пожаловался халифу, что эмир использовал не по назначению его подарок. Халиф снова призвал эмира к себе, отобрал халат и прогнал из дворца. Шибли подумал, что если за неправильное использование подарка, сделанного земным правителем, следует такое наказание, насколько же более суровым должно быть наказание человеку за неправильное использование одеяния (то есть, человеческого тела), подаренного ему Всевышним, Правителем и Господом миров. После этого он перестал посещать двор халифа и обратился за наставлением к Хайру Нассаджу, который отослал его к Джунайду аль-Багдади, да будет доволен ими Аллах.

Рассказывают, что придя к Джунайду аль-Багдади, Шибли, да будет доволен ими Аллах, сказал: «Я слышал, что у тебя есть бриллиант. Если ты думаешь, что у меня хватит средств на то, чтобы купить его, то пожалуйста, прими благосклонно деньги и отдай мне этот бриллиант, но если ты считаешь, что цена камня выше той суммы, что я могу предложить, даруй мне его бесплатно».

Хазрат Джунайд сказал Шибли, что бриллиант ему не по карману, а если он отдаст его даром, то Шибли не сможет по достоинству оценить этот камень. Поэтому ему необходимо сначала приложить усилия и упорно добиваться

того, чтобы приобрести его. Если он хочет иметь бриллиант, он должен полностью уничтожить свое эго и погрузиться в океан Единого сознания. После этого Аллах откроет перед ним двери терпения и ожидания. И если он сможет выдержать все испытания, Всевышний даст ему в награду этот бриллиант.

Джунайд сказал Шибли, готовому ко всем испытаниям, что он должен продавать на рынке серу в течение года, а затем еще один год жить подаванием. Целый год он продавал серу, а потом начал просить милостыню, но люди отказывались подавать ему. Тогда Джунайд попросил Шибли, чтобы он отмечал для себя, как к нему относятся люди. Оказалось, что их не волновали его духовные достижения. С этого времени он не должен был обращать внимания на сотворенные вещи или интересоваться чем-то мирским.

Затем Джунайд приказал Шибли отправиться в Нихаванд, где раньше он занимал высокое положение. Ему было велено переходить от двери к двери и просить прощения у каждого, кого он мог обидеть когда-то. Шибли все исполнил, и ему было приказано по возвращении домой опять начать просить милостыню и суметь за год вырвать из своего сердца любое желание получить признание среди людей.

Это также было сделано.

Все, что Шибли приносил домой, Джунайд раздавал дервишам, и Шибли часто оставался голодным. Это продолжалось целый год, пока Джунайд не признал, что Шибли достоин его общества, и поручил ему прислуживать святым, которые приходили к нему. Шибли выполнял новые обязанности в течение года.

Наконец Джунайд спросил его, какие чувства он испытывает сейчас. Шибли ответил: «Я считаю себя самым низким из всех смертных». Джунайд сделал ему комплимент, сказав: «Твоя вера сейчас совершенна».

Сначала Шибли был готов наполнить сахаром рот каждого, кто повторял Имя Господа. По мере роста его экстатического состояния он часто предлагал золотые *мохуры* тому, кто повторял бы рядом с ним Имя Господа. Когда он продвинулся еще дальше в своем развитии, он стал носить с собой меч без ножен. Шибли был готов убить каждого, кто произнес бы в его присутствии Имя Аллаха. На вопрос о причине таких странных перемен он обычно отвечал следующее:

«Сначала я полагал, что люди повторяли Имя Аллаха с искренним желанием получить просветление, но потом я открыл для себя, что они повто-

ряли его в силу привычки — формально и безграмотно».

Однажды Шибли услышал Глас Божий: «Шибли, как долго ты будешь довольствоваться именем, ищи теперь Имя Бога».

Эти слова оказали на Шибли такое воздействие, что он вошел в экстаз и в своем безумии прыгнул в реку Даджлу, но по Божьей милости волна вынесла его на берег, и он был спасен. Его состояние экстаза делалось все сильнее, и однажды он прыгнул в горящую печь, но не пострадал и не получил ожогов.

Он услышал Глас Божий: «Того, кто принес себя в жертву Богу и кому Он глубоко проник в сердце, никто не может убить, кроме Него Самого». Когда экстатическое безумие Шибли выходило из-под контроля, на него надевали цепи и часто помещали в сумасшедший дом. Когда люди называли его безумцем, он отвечал: «Не я, а все вы — безумцы: эта истина откроется вам в Судный день».

Как-то раз, когда Шибли, да смилостивится над ним Аллах, находился в состоянии экстатического безумия и сидел в сумасшедшем доме, его пришли провести несколько друзей. Он поинтересовался у них, кем они себя считают. Они ответили, что его друзьями. Тогда он поднял несколько камней и стал бросать их в пришедших. Когда они спросили, почему он оказывает им такой странный прием, Шибли крикнул им: «Вы не настоящие друзья, потому что не можете вынести страданий, причиненных вам рукой друга».

Однажды люди увидели, как Шибли бежит с горящей лучиной по улице. Они спросили его, куда он направляется. Он ответил: «Я хочу предать огню Дом Бога — Каабу». На следующий день люди увидели, что он снова несет огонь, и на их вопросы он ответил: «Я хочу, чтобы рай сгорел в огне и люди не любили бы Аллаха лишь за наслаждения, что обещает им рай».

Передают, что озорные дети часто кидали камни в Шибли, когда он проходил по улице. Однажды его так сильно поранили, что потекла кровь, а ее капли, падая на землю, складывались в буквы таким образом, что можно было прочитать Имя Аллаха.

Чтобы не спать по ночам, Шибли сыпал себе в глаза соль. Ему задали вопрос, для чего он это делает, и он отвечал так: «Аллах спросил меня, как я могу спать, когда мой Возлюбленный бодрствует?»

Однажды Шибли так сильно расцарапал свое тело, что на нем остались заметные раны.

Джунайд спросил его, зачем он поранил себя. Он ответил: «Сегодня мне открылась истина. Я не могу выносить эту боль. Я сделал это, чтобы как-то утешиться».

Шибли имел обыкновение так много причитать и плакать, что люди спешили к нему на помощь и спрашивали, что случилось. Он отвечал: «Я плачу, потому что не исполнил своего долга, доверенного мне Всевышним».

Шибли, да освятится тайна его, однажды сидел среди своих духовных братьев, собравшихся вокруг Хазрата Джунайда, да будет доволен им Аллах, когда кто-то из учеников принялся восхвалять его. Джунайд прервал его, стал ругать Шибли в резких выражениях и удалил его от себя.

Когда Шибли ушел, Джунайд сказал своим ученикам: «Вы практически могли убить Шибли духовно своим чрезмерным восхвалением, но я спас его. Эта похвала могла пробудить в его «я» непокорность, и он был бы проклят навеки. Своими оскорблениями в его адрес я способствовал развитию в нем покорности и духовности, а ваша похвала была для него смертельной. Мое оскорбление послужило ему щитом от меча вашего восхваления».

Шибли, да смилостивится над ним Аллах, имел обыкновение приносить в келью, где он совершал богослужение, связку прутьев. Он стегал себя ими каждый раз, как в его голове мелькала мысль о плотском. Он покидал келью, оставляя после себя сломанными практически все прутья. Если не оставалось ни одного целого прута, Шибли бился всем телом о стену, чтобы держать свой ум в повиновении.

Говорят, что когда он сидел в одиночестве в своей келье, то отказывался от всякого общения с людьми.

* * *

*Все те, что на пути любви
и днём и ночью слёзы лили,
и, жизнью жертвуя своей,
одним лишь только Богом жили,
чтоб тайну Истины познать,
лишь одному Ему служили,—
для них запрещен сон ночной,
где их слышны стенания.*

* * *

Несмотря на то, что лучшие из сподвижников Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах

и да приветствует, просили Аллаха за Хасана аль-Басри, да будет свята его могила, и люди считали его наилучшим из табиinov, тем не менее, сердце Хасана аль-Басри переполняло страх.

Один из его учеников рассказывает, что он приходил к Хасану аль-Басри, да смилостивится над ним Аллах, домой и слышал его плач. Иногда он видел, как тот совершает молитву, и слёзы льются из его глаз.

Он спросил Хасана аль-Басри о причине столь частых слёз.

Хасан ответил: «Сын мой! Что же делать мусульманину, как не плакать?! Сын мой, воистину слёзы призывают на мусульманина милость Аллаха. Если сможешь провести жизнь в слезах, сделай это, и, возможно, Аллах смилостивится над тобой. До нас дошло, что из глаз плачущих из-за страха перед Аллахом не выйдет и слезинки, пока они не будут освобождены от ада».

Язид бин Хушаб передаёт, что не видел более богобоязненных людей, чем Хасан аль-Басри и Умар бин Абдулазиз, да смилостивится над ними Аллах. Они выглядели так, как будто ад создан только лишь для них.

* * *

Абу Наср ас-Саррадж, да смилостивится над ним Аллах, в книге: «Китаб ал-лума» фит-тасаввуф» («Самое блистательное в суфизме») в главе о состоянии любви пишет: «Сказал шайх: «Что касается состояния любви, то Всевышний упомянул о ней во многих местах Своей Книги. Он сказал:

*«Скажи, Посланник: „Если вы
Аллаха любите — последуйте
за мною в том, что я приказываю,
и вы не делаете того,
что делать вам я запрещаю“».*
(Коран, 3:31).

Состояние любви для раба — видение своими глазами того, чем его облагодетельствовал Аллах, а сердцем — того, что Аллах близок к нему, заботится о нем, оберегает и выступает его поручителем. Кроме того, любовь — это видение рабом посредством веры и достоверного знания предвечно-го божественного промысла, правого руководства и извечной любви к нему Аллаха. [Когда раб увидит все это], он возлюбит Аллаха, велик Он и славен!

Любящие пребывают в трех состояниях. Первое состояние любви — любовь простых веру-

ющих. Она проистекает от милости и благосклонности к ним Аллаха. О Пророке, да благословит его Аллах и да приветствует, передают, что он сказал:

«Сердца по своей природе склонны любить того, кто милостив к ним, и ненавидеть того, кто приносит им зло».

Об условии этого *состояния любви* упомянул суфий Сумнун, да освятится тайна его: «Чистая привязанность наряду с непрерывным поминанием. Ведь тот, кто любит, часто поминает объект своей *любви*».

Сахла б. «Абдаллаха, да смилостивится над ним Аллах, спросили о *любви*. Он ответил: «Согласие сердца с Аллахом, постоянство и обязательность этого согласия, подражание примеру Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, наряду с истовостью в поминании Аллаха Всевышнего и блаженством в тайной беседе с Ним, велик Он и славен!»

Аль-Хусайна б. «Али, да будет доволен им Аллах, спросили о *любви*. Он ответил: «Ты прилагаешь все силы, а Возлюбленный поступает как Ему вздумается!»

Одного из шайхов спросили о *любви*.

Он ответил: «Неистовство сердец в восхвалении Возлюбленного и одновременно послушание Ему и согласие с Ним».

Поэт сказал:

«Если бы любовь твоя была искренней, ты бы повиновался ей.

Ведь влюбленный, повинуется тому, кого он любит!»

Второе *состояние любви* проистекает от видения сердцем самодостаточности Аллаха, Его достоинства и величия, знания и могущества. Это — *любовь искренних и постигших Истину*. Ее условие и описание содержится в высказывании Абу-л-Хусайна ан-Нури, да смилостивится над ним Аллах.

Когда его спросили о *любви*, он ответил: «Разрывание покровов и раскрытие тайн».

О *любви* спросили также Ибрахима аль-Хаваса, да будет доволен им Аллах. Он сказал:

«Уничтожение желаний и сжигание всех привязанностей и потребностей».

О *любви* спросили Абу Са'ида аль-Харраза, да будет доволен им Аллах. Он ответил: «Блажен испивший чашу *любви* Его, вкусивший наслаждения от тайной беседы с Преславным и близости с Ним! Он вкусил в своей *любви* наслаждения, сердце его исполнилось *любовью*, в веселье воспарили он к Аллаху и, снедаемый страстью, потерял голову от томления по Нему. Как прекрасен влюбленный в своего Господа, пораженный любовным недугом страдалец! У него нет ни прибежища, ни друга, кроме Всевышнего!»

Третье *состояние любви* — *любовь правдивейших и познавших Бога*. Она проистекает из того, что они видят и знают о предвечной и беспричинной *любви* Аллаха. Поэтому они также любят Его без всякой причины. Описание этой *любви* содержится в ответе Зу-н-Нуна, да будет доволен им Аллах, на вопрос:

— Что такое чистая, незамутненная *любовь*?

Он сказал:

— Чистая, незамутненная *любовь* к Аллаху — уход *любви* из сердца и всего тела, покуда там ее совсем не останется. Тогда все будет в Аллахе и для Аллаха. Таков [истинно] любящий Аллаха!»

Абу Йа'куб ас-Суси, да освятится тайна его, сказал: «Любовь несовершенна, пока любящий не перейдет от созерцания *любви* к созерцанию Возлюбленного, уничтожив само сознание *любви* для того, чтобы Возлюбленный существовал бы для него в сокровенном мире, а не в его *любви*. Когда влюбленный достигнет этой [степени] отношения, он окажется влюбленным без *любви*».

О *любви* спросили аль-Джунайда Багдади, да будет доволен им Аллах. Он ответил: «Когда свойства возлюбленного приходят на смену свойствам влюбленного». Такой же смысл в речи Аллаха:

«Когда Я люблю Своего слугу, Я становлюсь его слухом, которым он слушает, и его глазами, которыми он видит... и его стопами, которыми он ступает».